

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ: ПРИМЕРЫ АНАЛИЗА ДАННЫХ В КАЧЕСТВЕННЫХ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ¹

Н.П. БУСЫГИНА

Одним из путей повышения научной строгости качественных исследований стала разработка систематических процедур анализа текстовых данных. Наиболее полно задача систематизации исследовательской процедуры, с точки зрения автора, реализуется сторонниками феноменологического метода. Вместе с тем автор показывает, что и другие (собственно интерпретативные) способы работы с данными также могут быть в той или иной мере систематизированы благодаря практике постановки вопросов к тексту. В статье приведены примеры различных типов анализа качественных данных, на материале которых автор предлагает обсуждение специфики интерпретации в рамках феноменологического метода, а также демонстрирует роль постановки вопросов к тексту в процессе интерпретативной работы.

Ключевые слова: феноменологическое описание, феноменологический метод, интерпретация, качественные исследования, анализ качественных данных.

В последние десятилетия в социогуманитарных науках значительное развитие получила область качественных исследований. Несмотря на разнообразие концептуальных подходов, а также различия в исследовательских техниках и процедурах, качественные исследования разделяют друг с другом ряд общих черт. И, прежде всего, это критическая позиция в адрес более традиционной позитивистской перспективы исследования, с помощью которой, согласно сторонникам качественной методологии, невозможно постичь жизнь, мысли и чувства исследуемых

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Проект 07-06-00477а.

людей, внимание к смыслам их слов и действий, а также к контексту исследования и т.п.

Пожалуй, сегодня уже можно говорить о методологической фазе развития качественных исследований. В отличие от более раннего периода, когда умение проводить качественные исследования и грамотно интерпретировать данные связывалось с некой общей эмпатической чувствительностью исследователя и его опытом работы «в поле», теперь речь идет о необходимости систематической подготовки исследователя в области качественной методологии. Соответственно появляется все большее количество методологической литературы, авторы которой пытаются эксплицировать основные правила работы с качественными данными, представить стратегии и техники такой работы и обобщить критерии оценки ее качества.

Н. Дензин и И. Линкольн [Denzin, Lincoln, 2005] отмечают, что сторонники качественных исследований вынуждены сталкиваться с тремя кризисами — *репрезентации*, *легитимации* и *праксиса*: способен ли исследователь при помощи текста аутентично отобразить жизненный опыт Другого — участника исследования? Как оценить степень адекватности данных и результатов, если переосмысление критериев валидности, надежности и возможности обобщения не получило признания? Возможна ли вообще оценка качества исследования сегодня, «после постструктурализма»? Кризисы репрезентации, легитимации и праксиса ставят под сомнение способность тех, кто практикует качественные исследования, извлекать интерсубъективно значимый смысл из своих данных. Можно сказать, что ответом на отмеченные кризисы является то внимание, которое уделяется сегодня проблеме *строгости* (*rigor*) качественных исследований, определяемой, во-первых, степенью *публичности* и воспроизводимости способов сбора данных и анализа результатов и, во-вторых, степенью соответствия нормам научности, переосмысленным в связи с особенностями качественного исследования.

Одним из путей повышения строгости качественных исследований стала разработка систематических процедур анализа текстовых данных. В частности, значительную известность приобрела форма систематической работы с данными, предложенная сторонниками *феноменологического метода*, вариации которого представлены в соответствующей литературе [Giorgi, 1997; Holroyd, 2001; Karlsson, 1993; et al.].

Важной особенностью феноменологического метода, с точки зрения самих феноменологов, является его описательный характер. Феноменологи настаивают на необходимости работать на уровне очевидных смыслов текста и самопонимания исследуемых. Однако сложно

сказать, насколько предлагаемые в рамках феноменологического метода техники действительно отличны от интерпретации и способны приводить к пониманию текста в его изначальной самобытности. Как показывает Х.-Г. Гадамер [Гадамер, 1988], понимание никогда не является простым воспроизведением понимаемого, но всегда свершается в процессе толкования. Для того чтобы «дать выражение мнению текста в его фактическом содержании, мы должны перевести его на свой язык, а это значит, что мы приводим его во взаимодействие со сферой всех возможных мнений, в которой движемся мы сами, высказываясь и готовые высказаться» [Там же. С. 460]. В настоящей статье мы намерены показать, что в случае феноменологического метода речь идет об определенном типе интерпретации, ориентирующейся на контекст самопонимания говорящего или пишущего. Исследователь-феноменолог не просто воспроизводит оригинальные смыслы, но концептуализирует их в рамках собственного тематического построения, отвечающего исследовательскому замыслу. Вместе с тем ориентация на контекст самопонимания исследуемого и очевидные смыслы текста дает возможность в достаточной мере упорядочить процедуру анализа и выйти на уровень интерсубъективно значимых результатов (на основе согласия экспертов и/или согласия с результатами самих респондентов).

Что же касается собственно интерпретативной работы с текстом, предполагающей движение от явных смыслов к более глубоким и помещению текста в более широкие теоретические и концептуальные контексты, то систематичности процедуры здесь добиться гораздо сложнее. Однако, как мы постараемся показать ниже, и для такой работы могут быть предложены методологические и методические ориентиры. В частности, одним из способов упорядочения процедуры интерпретации, привнесения в нее той систематичности, недостаток которой нередко приводит сциентистски настроенных коллег к столь низкой оценке научного потенциала качественного анализа, является постановка вопросов к тексту. Помимо систематизации исследовательского процесса фиксация вопросов к тексту облегчает последующую экспликацию исследовательской процедуры, призванную продемонстрировать сообществу коллег, как именно анализировались данные и были получены те или иные результаты. Напомним, что именно экспликация процедуры, по мнению некоторых авторов (А. Джорджи, цит. по: [Квале, 2003]), является основой контроля анализа в качественных исследованиях.

В настоящей статье мы предлагаем обсуждение процедуры феноменологического описания и некоторых типов интерпретации на неболь-

ших примерах анализа фрагментов текстов. Цель нашего обсуждения — во-первых, показать, что феноменологическое описание представляет собой специфическую форму интерпретативного анализа, отличающуюся от других форм интерпретации рядом особенностей, и во-вторых, продемонстрировать возможности пошаговой интерпретативной работы с текстом на основе простого перечня базовых вопросов.

Феноменологическое описание

Когда в психологии говорят о феноменологии, то обычно имеют в виду метод или определенный способ постижения субъективной реальности, непосредственных переживаний, опыта в их максимальной конкретности и полноте, без обращений к каким-либо схемам, без каких бы то ни было предположений относительно их происхождения или причин [Леонтьев, 2001].

В целом можно сказать, что в психологии феноменологическая установка описывается двумя способами: в одном случае в большей мере подчеркивается ее ценностный аспект, в другом — процедурно-технический. Ценностная составляющая преобладает, например, у А.А. Пузыря [Пузырей, 1997], техническая сторона раскрывается такими западными авторами, как Д. Полкинхорн (D. Polkinghorne), А. Джорджи (A. Giorgi), С. Квале (S. Kvale) и др. (на рус. яз. обзор представлений западных авторов см. в: [Улановский, 2007])².

Согласно А.А. Пузырею [Пузырей, 1997], феноменологическое понимание — это и есть собственно понимание, идущее из живого опыта чтения. Оно не редуцирует текст, не сводит его к чему-то уже понятному и известному, не разоблачает *секрет*, но утверждает *тайну* как то, что является внутренне присущим самому понимаемому, из чего понимание получает оправдание своего существования, достигает его подлинности. Как пишет Пузырей, в случае феноменологического чтения мы не производим смысл текста, а лишь даем возможность заговорить самому тексту, высказать то, что он в самом деле говорит [Там же]. Отсюда естественным образом вытекает не просто критика психологических подходов, но серьезный приговор всей психологии, занятой рациональным, объясняющим, редуцирующим толкованием.

² Мы отнюдь не утверждаем, что западные авторы не уделяют внимания той совокупности убеждений и позиций, которая составляет суть феноменологического движения в психологии. Говоря, что в их работах раскрывается процедурно-техническая сторона феноменологической установки, мы лишь имеем в виду, что значительное место в этих работах отводится самому праксису феноменологического метода.

Обобщая западные представления о феноменологическом методе как качественной исследовательской стратегии, А.М. Улановский [Улановский, 2005] выделяет несколько его специфических черт: помимо свойственного ему описательного характера, о котором было сказано выше, это ориентация на переживание как предмет исследования, использование рефлексивных данных, отказ от любых теоретических допущений и выводов и использование обыденного языка описания.

Как видим, одна из важнейших черт феноменологической психологии — установка на понимание того, что внутренне присуще самому понимаемому, описание данного с очевидностью вне домыслов и редуцирующих толкований. Как подчеркивает Улановский [Там же], метод, разрабатываемый сторонниками феноменологической психологии, призван помочь справиться с огромным количеством абстрактных теорий и всевозможных произвольных моделей, предлагаемых в психологии.

Если говорить о самом праксисе феноменологических исследований, то в литературе описано несколько разновидностей феноменологического метода [Giorgi, 1997; Holroyd, 2001; Karlsson, 1993; et al.]. Все они основаны на технике конденсации смысла, выделении категорий, кодировании и последующем тематическом анализе.

В целом работа с текстовыми данными в феноменологическом исследовании включает в себя несколько этапов:

- 1) прочтение текста/ов целиком; общее впечатление, возможные гипотезы;
- 2) выделение смысловых единиц, соответствующих теме исследования;
- 3) «конденсация смысла» выделенных единиц;
- 4) выделение тем, их обозначение;
- 5) обобщение тем (центральных тенденций), выделение внутри каждой темы вариаций.

Именно данную схему работы с текстом мы попробуем использовать для анализа фрагментов дневниковых записей Фаины Раневской [Раневская, 2005, с.7—9]. В приведенных фрагментах так или иначе затрагивается тема ее отношения к автобиографической книге, написать которую она планировала (по просьбам других или по собственному желанию), но так и не написала (во фрагментах речь идет о том, что она ее уничтожила). Итак, мы приводим анализ отношения Раневской к книге воспоминаний, построенный на основе феноменологического метода.

Пример. «Болезнь» письма (отношение артиста к книге воспоминаний)

<i>Естественные смысловые единицы</i>	<i>Конденсированный смысл</i>
...Книжку (повесть В. Некрасова «В окопах Сталинграда») читала с восторгом, с восхищением и чувством черной зависти. Хотелось бы и мне так писать.	Восхищается книгой. Высказывает желание писать так, как написаны хорошие книги.
Получила грозное предупреждение из издательства. Строчки не могу выдавить. Пожалуй, единственная болезнь, которой у меня нет, — графомания, а как бы сейчас она мне пригодилась.	Сопrotивление письму, несмотря на требования издательства.
Пристают, просят писать, писать о себе.	Назойливые просьбы других писать о себе.
Отказываю. Писать о себе плохо — не хочется. Хорошо — неприлично. Значит, надо молчать.	Сопrotивление письму: писать о себе плохо — не хочется, хорошо — неприлично.
К тому же я опять стала делать ошибки, а это постыдно. Это как клоп на манишке.	Плохо писать, делать ошибки — постыдно.
В том, с какой бесцеремонностью ко мне пристаю с требованием писать о себе, — есть бессердечие.	Бесцеремонные требования других писать о себе.
Если бы уступила просьбам и стала писать о себе — это была бы «жалобная книга». «Судьба-шлюха».	Ф.Р. представляет, что она может писать о себе лишь «жалобную книгу».
...Не могу записывать, ни к чему. Противно брать в руки карандаш. Надо писать только одну фразу: «Все проходит». ...И к тому же у меня непреодолимое отвращение к процессу писания. «Писанина». Лепет стариковский, омерзительная распушенность, ненавижу мемуары актерские. Кроме книжки П.Л. (Вульф).	Отвращение к плохому письму — «писанине», убогому «лепету», каким часто являются написанные актерами мемуары.
Все бранят меня за то, что я порвала книгу воспоминаний.	Высказываемое другими людьми неодобрение по поводу того, что Ф.Р. порвала свою книгу.
Почему я так поступила? Кто-то сказал, кажется, Стендаль: «Если у человека есть сердце, он не хочет, чтобы его жизнь бросалась в глаза». И это решило судьбу книги. Когда она усыпала пол моей комнаты, — листья бумаги валялись обратной стороной, т.е. белым, и было похоже, что это мертвые птицы.	Нежелание выносить свою жизнь на всеобщее обозрение.

<p>«Воспоминания» — невольная сплетня. О себе говорить неудобно (а очень хочется).</p>	<p>Есть желание говорить о себе и в то же время сопротивление этому, поскольку говорить о себе неудобно.</p>
<p>«Воспоминания» — это от чего? У меня от одиночества смертного.</p>	<p>Одиночество.</p>
<p>...Писать должны писатели, а актерам положено играть в театре.</p>	<p>Каждый должен заниматься своим делом. Если писать, то нужно этим заниматься серьезно.</p>
<p>Все ушли... Рядом бродяга, псина, безумно ее полюбила. Думаю, что собаки острее чувствуют, потому что не умеют говорить. Заразила я ее бессонницей и моей звериной тоской. Когда ухожу, она плачет. Беру ее с собой в театр, а потом рвусь к ней. Мне еще никто так не радовался.</p>	<p>Одиночество.</p>
<p>...Наверное, зря порвала все, что составило бы книгу, о которой просило ВТО. И аванс надо теперь возвращать 2 тыс. Бог с ними, с деньгами, собираю, отдаю аванс.</p>	<p>Ф.Р. размышляет, правилен ли был ее поступок — порвать книгу: помимо всего прочего, здесь присутствует и денежный момент, хотя не он является главным.</p>
<p>А почему уничтожила? Скромность или же сатанинская гордыня? Нет, тут что-то другое. ...Не хочу обнародовать жизнь мою, трудную, неудавшуюся, несмотря на успех у неандертальцев и даже у грамотных. Я очень хорошо знаю, что талантлива, а что я создала? Пропищала, и только. Кто, кроме моей Павлы Леонтьевны, хотел мне добра в театре? Кто мучился, когда я сидела без работы? Никому я не была нужна... Я бегала из театра в театр, искала, не находила. И это все. Личная жизнь тоже не состоялась. ...В театре Завадского заживо гнию.</p>	<p>Нежелание обнародовать свою жизнь. Глубинное ощущение неудавшейся жизни — как профессиональной, так и личной, — несмотря на успех.</p>
<p>Иногда приходит в голову что-то неглупое, но я тут же забываю это неглупое. Умное давно не посещает мои мозги. ...Книга должна быть написана художником или мыслителем. Гений — это талант умершего. Вот почему порвала мой опус.</p>	<p>Если писать, то нужно писать достойно и писать о чем-то стоящем («умном»). Писать должны художники или мыслители, т.е. те, кому есть о чем писать и кто умеет это делать.</p>

Две темы — *побудительные мотивы писать о себе и невозможность писать о себе, сопротивление письму*; вместе они составляют одну тему *конфликтного отношения к письму*.

Побудительные мотивы писать о себе

Очень часто фактором, побуждающим артиста писать о себе, являются другие люди: они настойчиво просят артиста писать, и иногда эти просьбы принимают характер назойливых требований. К тому же у артиста нередко появляется собственное желание говорить о себе.

Невозможность писать о себе, сопротивление письму

Если писать о себе, то это нужно делать достойно, — писать так, как написаны хорошие книги. Однако многие мемуары актеров написаны так, что ничего, кроме «графоманской писанины», собой не представляют, а такой «стариковский лепет» вызывает у Ф.Р. непреодолимое отвращение, и она не может позволить себе столь невыносимую ей писательскую распушенность.

Другой источник сопротивления письму — нежелание выносить свою жизнь на всеобщее обозрение. Возможно, за этим стоит ценность скромности — говорить о себе неудобно, и достойный человек, т.е. человек, у которого «есть сердце», не хочет, чтобы его жизнь бросалась в глаза. Возможно, за таким нежеланием стоит и гордыня — отделение себя от других людей.

Однако самое важное состоит в том, что письмо, побудившее к рефлексии над целостностью своей жизни, столкнуло Ф.Р. с глубоким переживанием неудовлетворенности этой жизнью — полной «смертного одиночества», «трудной» и «неудавшейся», несмотря на успех. И вот это глубочайшее переживание и заставило Ф.Р. порвать даже то, что уже было написано: ей не просто не хочется выносить свою жизнь на обозрение, но не хочется выносить именно *такую* жизнь. Дело не только в том, как писать, — хотя писать, безусловно, нужно достойно, и Ф.Р. отвратительны любые формы убогого графоманства, — но и в том, что писать, в сущности, не о чем: нет смысла писать о собственной «неудавшейся» жизни.

Мы пытались анализировать текст на уровне очевидных смыслов. Но, как можно видеть, даже в этом случае конденсация смысла и тематический анализ письменного текста включает в себя немалую долю интерпретации. В ряде случаев нам приходилось акцентировать одни смысловые моменты в ущерб другим. К тому же сама выбранная нами с самого начала тема (отношение к книге воспоминаний) определенным образом фокусировала наше внимание: мы смотрели на текст сквозь призму интересующего нас вопроса³. Поэтому представленные нами

³ Впрочем, тема отношения к книге воспоминаний была выделена после прочтения самих дневниковых записей, а не вводилась нами заранее. Вместе с тем культурный и психологический феномен «публичного» письма о себе, весьма распространенного в наши дни, побудительных мотивов и личностных смыслов

темы вряд ли можно считать лишь отражением очевидных смыслов текста — скорее, они родились в результате нашего диалога с ним.

Обратим внимание на то, что в нашем примере феноменологического анализа мы использовали письменный текст. Некоторые авторы (например, А. Джорджи) полагают, что культурные тексты несут в себе слишком много неясностей, метафор, недоговоренностей и поэтому с неизбежностью требуют герменевтического (т.е. интерпретативного) подхода, предполагающего учет жанра письма, биографии писавшего, общекультурного контекста и т.п. [Улановский, 2007]. В нашем случае такого выхода в более широкие контексты мы не предпринимали, намеренно ограничивая себя описанием непосредственных смыслов текста. И тем не менее, конденсируя смысл естественных единиц, мы осуществляли нечто вроде перевода с одного языка на другой, что неизбежно включало в себя поиск смыслового компромисса.

Вопрос, который мы хотим поставить, следующий: если анализ, осуществляемый на основе феноменологического метода, тоже имеет природу толкования, означает ли это, что сами феноменологи, настаивая на описательном характере разрабатываемого ими метода и противопоставляя его интерпретации, предлагают неадекватную рефлексию собственного метода? На наш взгляд, то, что феноменологи называют «описанием», в самом деле отличается от того, что в психологии обычно имеют в виду под интерпретацией, а именно: производство (конструирование) смысла текста, как правило, в соответствии с комплексом теоретических представлений психолога либо *симптоматическое прочтение* (более подробно о нем речь пойдет ниже), раскрывающее, выражением (симптомом) чего являются высказываемые слова и действия (симптоматическое прочтение обычно также предполагает теоретический контекст, например, опору на психоаналитические представления). Феноменологический анализ не подразумевает, что мы создаем (конструируем) некую новую историю, взамен истории оригинальной; мы действительно даем возможность самому тексту сказать то, что он говорит. Однако это отнюдь не означает, что мы навсегда покидаем поле игры истолкования. Феноменологи предлагают особый тип *интерпретативной* активности исследователя, цель которого — усилить сказанное в тексте, обращаясь к самому делу — заключенному в сказанном смысле. Пожалуй, то, что происходит, когда мы осуществляем феноменологический анализ текста, лучше всего «схватывается» в описываемом Х.-Г. Гадамером

такого письма — предмет давнего интереса автора настоящей статьи. Так что можно сказать, что выделение темы, обозначенной как «болезнь письма», — результат своеобразного «слияния горизонтов» сознаний читающего и пишущего.

опыте подлинной диалектики, которая, на наш взгляд, и находит свое воплощение в данном типе анализа. Феноменологическое понимание свершается в среде языка. Однако, — пишет Гадамер, — подобно тому как слово «в своем собственном чувственном бытии существует лишь затем, чтобы снять себя в сказанном», понятия, в которых осуществляется толкование, «снимаются в завершеном понимании, ибо они обречены на исчезновение» [Гадамер, 1988, с. 547—548]. Развертывание смыслового целого, которое мы стремимся понять, подталкивает нас к тому, чтобы вновь истолковывать и отказываться от толкования. Получается, что в опыте описываемого феноменологического анализа интерпретация (толкование) как бы диалектически «снимает», преодолевает саму себя, и лишь такое «снятие толкованием себя самого создает окончательную возможность того, что само дело — смысл текста — добывается нашего признания» [Там же. С. 537—538].

Итак, нельзя сказать, что в своей рефлексии предлагаемого ими метода как метода описательного и отличного от интерпретации сторонники феноменологической психологии абсолютно неправы. Однако, несмотря на присущую ему специфику, отличающую его от других типов психологической интерпретации, на наш взгляд, феноменологический метод тоже должен быть отнесен к *интерпретативной методологии*, полагающей интерпретацию в качестве фундаментального принципа понимания.

Интерпретация и вопросы к тексту

Качественным исследованиям нередко предъявляются претензии в том, что их результаты зависят от перспективы исследователя и включают немалую долю субъективности⁴. Достичь интерсубъективно значимых результатов в интерпретативных исследованиях крайне сложно. Однако наблюдающаяся в них «субъективность» может иметь качественно различный смысл. К примеру, С. Квале [Квале, 2003] разводит *предвзятую субъективность* и *субъективность разных взглядов*. Первая означает просто неряшливую и ненадежную работу, когда

⁴ Следует заметить, что подобные претензии в наименьшей степени относятся к исследованиям, выполненным на основе феноменологического метода. По сути, феноменологический анализ нацелен на получение интегрированного описания переживания, не зависящего от теоретической, политической или какой-либо иной позиции исследователя. Процедура феноменологического метода предполагает движение в направлении единого смысла, с которым могли бы согласиться все участники коммуникации (исследователь, респонденты, психологическое сообщество). Однако в целом качественным подходам присущ «перспективизм» и внимание к субъективному фактору, который сами сторонники качественной методологии пытаются осмыслить в позитивном ключе.

исследователь замечает только те факты, которые подкрепляют его мнение, и пропускает все, что им противоречит. Но в случае, когда исследователи с разными взглядами ставят разные вопросы к одному и тому же тексту и приходят к различным интерпретациям его смысла, мы имеем дело с совершенно другой субъективностью. С. Квале [Там же] справедливо замечает, что основной проблемой для качественных исследований является не многообразие интерпретаций, а недостаточно ясно сформулированные вопросы к тексту. Так что можно сказать, что уточнение вопросов, задаваемых тексту, — одна из важнейших задач исследователя-«качественника».

Попробуем разобрать на примере анализа небольшого фрагмента интервью, как типы вопросов структурируют интерпретативный процесс и определяют содержание интерпретации. Фрагмент интервью взят нами из нашего собственного исследования, посвященного особенностям психологической ситуации, в которой приходится работать среднему медицинскому персоналу детских онкологических клиник. Для анализа фрагмента мы воспользуемся схемой возможных вопросов, предложенной С. Квале [Там же]. Во-первых, наш вопрос может относиться к содержанию того, что нам рассказывают, и тогда собеседник выступает в качестве источника информации, либо к личности собеседника, и тогда собеседник выступает в качестве объекта анализа. Во-вторых, вопрос может касаться разных контекстов интерпретации (по Квале, это контексты самопонимания, критического понимания с позиций здравого смысла и теоретического понимания).

Пример. Исследование факторов, вызывающих психологическое напряжение у медицинских сестер детских онкологических отделений

Высказывание из интервью с медсестрой, являющееся очень показательным:

«Мы здесь такие вот козлы отпущения. Мы все время вынуждены терпеть несправедливость. Это ужасно. Ты все время делаешь что-то не так. То врач дает нагоняй. То мамам что-то не так. Врачи злость срывают, особенно когда видят, что ничего не могут сделать. Мама не могут ничего сказать врачам, выразить им претензии. Значит, опять мы виноваты».

Мы можем воспринимать медсестру как важнейший источник информации о том, какие именно факторы оказывают наибольшее влияние на ухудшение психологического состояния среднего медицинского персонала, иными словами, мы можем держать в фокусе нашего внимания содержание того, о чем нам говорят исследуемые. В таком случае мы получаем следующую информацию. Медсестры в онкологической

клинике нередко становятся своеобразными «козлами отпущения», на них валятся все «шишки» как со стороны врачей, так и со стороны родителей детей. Врачи отыгрывают на медсестрах собственные неудачи. Мамы же не могут критиковать действия врача — для них он является слишком значительной психологически фигурой, поэтому критика смещается в адрес медсестер.

В принципе достоверность полученной в интервью информации может быть проверена эмпирическим путем при помощи техники триангуляции, которая означает, что один и тот же феномен исследуется с разных точек зрения, чтобы определить его точное место. В нашем случае мы можем использовать различные источники информации (как самих медсестер, так и тех, кто находится в другой социальной позиции, т.е. врачей и родителей детей), а также разные методы сбора информации (например, помимо интервью метод наблюдения за поведением медсестер, их взаимодействием с врачами и жизнью отделения в целом). Безусловно, технику триангуляции не нужно воспринимать как способ конечной проверки результатов. Скорее, она дает возможность собрать более «объемную» информацию, которая должна быть интегрирована в конечную интерпретацию изучаемого феномена. В нашем исследовании большинство медсестер отделения подтвердили факт несправедливого отношения к ним со стороны врачей и родителей. Врачи же со своей стороны говорили о высоком уровне профессионализма среднего медицинского персонала отделения и отсутствии сколько-нибудь значимых претензий к их работе. Мамы тоже работой медсестер были довольны и в интервью высказывали благодарность в адрес «девочек». Результаты наблюдения также дали основание предположить, что несправедливое отношение к медсестрам в большей мере является частью «внутреннего мира» самих медсестер, чем отражением реальной жизни отделения. Впрочем, можно полагать, что ряд особенностей «психологической» позиции, которую занимают медсестры в отделении, действительно находят свое отражение в их собственных переживаниях, но при этом остается скрытым для внешнего взгляда. Подобные соображения ведут к необходимости серьезного системного анализа психологической ситуации в отделении, иными словами, открывают одну из возможных исследовательских перспектив, предполагающую опору на соответствующие теоретические подходы.

Анализируя приведенный фрагмент интервью, мы можем попробовать держать в фокусе внимания не содержание, а личность исследуемого. В этом случае мы будем прочитывать текст интервью не с точки зрения его фактической достоверности, а, например, пытаясь раскрыть

особенности «жизненного мира» исследуемых в контексте их самопонимания, ответить на вопрос: что значит быть медицинской сестрой детской онкологической клиники — для самой медицинской сестры? Ответ на такой вопрос потребует от нас исследования в рамках эмпатической феноменологии, результатом которого должно стать описание наиболее значимых для респондентов тем (например, темы переживания несправедливости в отношении к себе, как в приведенном отрывке).

Фокус внимания на личности исследуемого может вести и к иному — не феноменологическому — типу исследования. Если мы предполагаем, что несправедливое отношение к медсестрам не столько отражает действительное положение дел, сколько является частью их собственного психологического мира, то уместно задаться вопросом, как у медсестер появляется такое в целом неверное представление об отношении к себе со стороны врачей и родителей, каким образом оно складывается. Задавая такой вопрос, мы будем прочитывать текст *симптоматически*, иными словами, мы попытаемся раскрыть, симптомом чего является переживаемая медсестрами несправедливость. В процессе нашего исследования мы предположили, что медсестрами переживается отсутствие значимости своей работы; они отыгрывают собственное неудовлетворение работой, проецируя его на других. Беседы с медсестрами и наблюдение за жизнью отделения в целом привели нас к более широкому предположению, что за излишним эмоциональным дистанцированием медсестер от своих маленьких пациентов стоит не желание им эмоционально и по-человечески помогать, а неспособность это делать, своеобразная коммуникативная неподготовленность. Мы пришли к гипотезе, что эмоциональное напряжение среднего медицинского персонала во многом связано с символически обедненной средой: излюбленный защитный механизм медицинского персонала — дистанцирование; для врачей он в целом пригоден, однако среднему медицинскому персоналу именно он не дает возможности выстроить профессиональную идентичность на основе чувства значимости своей деятельности и получать удовлетворение от работы.

Как мы уже отмечали, интерпретация может предполагать и разный контекст: самопонимание, критическое понимание без привлечения психологических теорий и, наконец, теоретическое понимание. К примеру, приведенная симптоматическая интерпретация не предполагает явного контекста определенной теории. Однако ситуацию в клинике можно было бы проанализировать, хотя и несколько спекулятивно, в психоаналитическом ключе, используя понятие психологической защиты, или в когнитивистском ключе посредством обращения к по-

нению процессов, поддерживающих позитивный Я-образ. Отчасти мы это сделали. Однако интерпретацию в рамках указанных теоретических перспектив при необходимости можно углублять.

Обратим внимание на то, что вопросы к тексту задают различные перспективы видения эмпирического материала. В нашем случае это были перспектива возможного системного анализа психологических позиций, занимаемых пациентами, их родителями и медицинским персоналом в клинике, перспектива исследования «жизненного мира» медсестер в рамках эмпатической феноменологии и, наконец, симптоматическая интерпретация характерных для медсестер искажений в восприятии ряда ситуаций. Насколько подобную возможность множественных способов прочтения материала в самом деле можно считать недостатком качественных подходов? Сторонники качественной исследовательской методологии, как правило, основывают свои взгляды на социо-конструкционистских идеях и позиции неклассической рациональности, согласно которым мы знаем о реальности лишь в перспективе наших отношений с нею: мир — это коллаж, множественность, требующая для своего раскрытия разных подходов и разных точек зрения. Как пишет А. Джорджи, дело не в том, может ли быть принята другая позиция в отношении данных (с точки зрения Джорджи, этот пункт принимается прежде всего), а в том, «может ли читатель, принимающий точку зрения, которую защищает исследователь, увидеть то, что видел исследователь, согласен он с его мнением или нет» (А. Джорджи, цит. по: [Квале, 2003, с. 207]). Заметим, что позиция методологического плюрализма отнюдь не означает произвольности суждений: исследователь посредством постановки вопросов к тексту задает перспективу видения материала, но внутри этой перспективы он выстраивает интерпретацию согласно принятым правилам, т.е. в соответствии с эмпирическими данными, правилами логической последовательности, теоретической когерентности и т.п.

Комплексные подходы к интерпретации текстов

Работа с текстовыми данными зачастую связана с их комплексным анализом, который включает в себя раскрытие смысла на уровне самопонимания респондента, герменевтическую интерпретацию содержания, анализ латентных аспектов субъективной реальности (симптоматическое прочтение), декодирование направляющих человеческую речь кодов «социального бессознательного», учет коммуникативного контекста и т.д. Возможную схему такого комплексного интерпретативного анализа текста приводит А. Шорн, используя для этого материал собственного исследования [Schorn, 2000]. Одним из интересных

моментов данной схемы является пошаговая работа с текстовыми пассажами, наиболее значимыми с точки зрения исследовательской темы или просто наиболее эмоционально насыщенными и по этим причинам становящимися объектом детального анализа и интерпретации. С точки зрения Шорн [Ibid.], научная интерпретация не может не опираться на обыденные интуитивные способы понимания, но при этом должна следовать определенным методологическим правилам, причем делать это систематически. В исследовательской практике данное утверждение означает, что исследователь задает тексту вопросы, которые направлены на различные стороны данного текста и которые помогают, в конечном счете, раскрыть его смысл.

Шорн [Ibid.] предлагает следующие четыре типа вопросов:

- О чем говорят? (основной интерпретационный вопрос; раскрывает объективное содержание; *логическое понимание*)
- Как говорят друг с другом? (исследуется взаимодействие; *психологическое понимание*)
- Как именно говорят, какие выразительные средства используются? (фокус на способах говорения, на речевых приемах; *сценическое понимание*)
- Почему говорят так, как говорят? (раскрытие латентного смысла; симптоматическое прочтение, *глубинное герменевтическое понимание*)

В следующем примере комплексного анализа фрагмента «Письма отцу» Франца Кафки [Кафка, 2005] мы интерпретируем отрывки текста, пытаюсь дать ответ на три вопроса: что говорится (предмет речи), как говорится (речевые особенности) и почему говорится (глубинные смыслы, психологическая ситуация, стоящая за выражениями). Данные типы вопросов, по нашему мнению, выводят исследователя в модус глубинной герменевтической интерпретации текста. Соглашаясь с А. Шорн, мы полагаем, что вопросы, направленные на различные стороны текста, позволяют более тонко раскрыть его смысл. Мы не предпринимаем попытки дать законченное понимание выбранного фрагмента. Скорее, наша задача состоит в том, чтобы показать возможное «движение» интерпретации с использованием простого перечня вопросов.

**Пример комплексного анализа
фрагмента «Письма отцу» Ф. Кафки**

В анализируемом фрагменте Ф.К. говорит о невозможности для себя вступить в брак и связывает эту невозможность с фигурой отца. Причем текст Кафки насыщен двусмысленностями, в которых мы и

попытаемся разобраться. Обращает на себя внимание то, что Ф.К. везде называет отца на Ты с большой буквы. В перспективе Ж. Лакана можно предположить, что Ф.К. взывает не столько к реальному отцу, сколько к имени отца: «...в имени отца следует видеть носителя символической функции, которая уже на заре человеческой истории идентифицирует его лицо с образом закона» [Лакан, 1995, с. 48]. Наша интерпретация не предполагает специального обращения к деталям биографии Кафки, но мы будем использовать некоторые весьма общие представления о нем и его жизни, а также о созданных им произведениях, которые, вместе с теоретической перспективой (в основном, это ряд положений и концептов Ж. Лакана), составят основу пред-понимания написанного. По-видимому, Кафка страдал серьезными эмоциональными расстройствами, возможно, даже психотического круга. Его отношения с реальным отцом были очень сложные, во всяком случае, отец не принимал его попыток заниматься писательством. Кафка дважды пытался жениться, но так и не сделал этого. О том, что в данном письме речь в самом деле идет об «имени отца», может свидетельствовать и тот факт, что письмо не было передано адресату (реальному отцу): возможно, что в действительности Кафка этого и не хотел.

Текст Ф. Кафки:

...Хочу попробовать объяснить подробнее: когда я предпринимаю попытку жениться, две противоположности в моем отношении к Тебе проявляются столь сильно, как никогда прежде. Женитьба, несомненно, залог решительного самоосвобождения и независимости. У меня появилась бы семья, то есть, по моему представлению, самое большее, чего только можно достигнуть, значит, и самое большее из того, чего достиг Ты, я стал бы Тебе равен, весь мой прежний и вечно новый позор, вся Твоя тирания просто бы ушли в прошлое. Это было бы сказочно, но потому-то и сомнительно. Слишком уж это много — так много достигнуть нельзя.

Анализ

Что говорится (предмет речи): попытки жениться наиболее явственно высвечивают противоположности в отношении к отцу. С одной стороны, женитьба — шаг к освобождению и независимости. Женитьба — огромное достижение, которое могло бы уравнивать Ф.К. с отцом. Но, с другой стороны, такое достижение, означающее равенство с отцом, представляется Ф.К. слишком большим, а потому нереальным.

Как говорится (речевые особенности): обращает на себя внимание явное преувеличение значимости такого весьма обыденного шага, как женитьба. По крайней мере, это то, что совершается большинством людей.

Почему говорится (глубинные смыслы, психологическая ситуация, стоящая за выражениями): жениться — значит самому занять место отца и, следовательно, включиться в экономию либидинальных отношений, диктуемую Законом Символического. Это действительно большой шаг к требуемой культурой зрелости. Но, с другой стороны, шаг этот всегда анонимен, в том смысле, что не требует личного выбора: сеть социальных каналов довольно жестко структурирует желание индивида. И согласие с Законом, властью действительно способно давать чувство эмоционального благополучия. Отклонение от канала, любой выход за его пределы вследствие запруженности, задержки, переполненности — это тоже столкновение с Законом, проигрываемое в бесчисленных снах, симптомах и т.п. Вероятно, Ф.К. жизнь в соответствии с Законом представляется величайшим благом, для него, однако, недоступным.

Текст Ф. Кафки:

Вообразим, что человек попал в тюрьму и решил бежать, что само по себе, вероятно, осуществимо, но он намеревается одновременно перестроить тюрьму в увеселительный замок. Однако, сбежав, он не сможет перестраивать, а перестраивая, не сможет бежать. Если при существующих между нами злосчастных отношениях я хочу стать самостоятельным, то должен сделать что-то, по возможности не имеющее никакой связи с Тобою; женитьба, хотя и есть самое важное в этом смысле и дает почетнейшую самостоятельность, вместе с тем неразрывно связана с Тобой. Поэтому желание найти здесь выход смахивает на безумие, и всякая попытка почти безуспешна же и наказывается.

Анализ

Что: женитьба, с одной стороны, дает столь желаемую Ф.К. самостоятельность. С другой стороны, она неразрывно связана с отцом, а потому, вероятно, не просто не приносит с собой самостоятельности, но парадоксальным образом загоняет в еще большую тюрьму. Попытки Ф.К. найти выход вызывают состояние, близкое к безумию.

Как: Ф.К. обращается к образу человека, попавшего в тюрьму, который одновременно хочет и сбежать, и перестроить тюрьму.

Почему: если предлагаемый Ф.К. образ приложить к его собственной ситуации, то можно было бы предположить, что переживаемые Ф.К. зависимость от отца (тюрьма), чувство униженности («вся Твоя тиранья» и «весь мой прежний и вечно новый позор») можно было бы преодолеть, разорвав любую связь с отцом (сбежать из тюрьмы), но женитьба — скорее, не разрыв, а попытка перестроить имеющиеся отношения (сделать из тюрьмы «увеселительный замок»). Попытка найти выход оборачивается безумием. Причем можно полагать, что Ф.К. говорит о безумии

в прямом, а не метафорическом смысле. Жениться, самому стать отцом — значит быть захваченным анонимным тираническим миром отца. Смысл безумия (психоза), в лакановской перспективе, состоит в том, что исключенное, т.е. никогда не приходившее в место Другого, Имя Отца призывается в это место для символического противостояния субъекту. Можно предположить, что у Ф.К. Имя Отца изначально отсутствует в месте Другого. Пустота в означаемом вызывает хаотичную перестройку означающего, путаницу смыслов, ценностей и представлений, в свою очередь, приводящую к катастрофе в Воображаемом, которая продолжается до тех пор, пока означаемое и означающее не уравновесят друг друга в найденной бредом метафоре. Безумие, о котором говорит Ф.К., — это захваченность фигурами, символическая основа которых — Имя Отца.

Текст Ф. Кафки:

Но отчасти именно этой тесной связью и привлекает меня женитьба. Равенство, которое после того установилось бы между нами и которое пришлось бы Тебе по душе как никакое иное, мне представляется именно потому столь прекрасным, что я смог бы тогда стать свободным, благодарным, избавленным от чувства вины прямодушным сыном, а Ты — ничем не омрачаемым, недеспотичным, полным сочувствия, довольным отцом. Но чтобы достигнуть этой цели, надо сделать все случившееся неслучившимся, то есть вычеркнуть нас обоих.

Анализ

Что и почему: женитьба — одно из важных действий в мире отца, возможно, даже императив этого мира — мира тотального производства и воспроизводства, мира функциональности, основанного на метафоре капитала, где действуют экономические логики пола и производства. Женитьба — своего рода инициация, и Ф.К. она привлекает равенством, которое она способна установить между ним и отцом. А такое равенство, возможно, приведет к эмоциональному благополучию и хорошим отношениям с близкими: Ф.К. станет тем, кем его ожидают увидеть в мире отца. Однако столь радужная перспектива невозможна просто в силу того, что для этого нужно быть другим человеком — иметь другого отца, другую биографию и т.д.

Текст Ф. Кафки:

Но раз мы такие, какие есть, женитьба не для меня как раз потому, что эта область целиком принадлежит Тебе. Иногда я представляю себе разостланную карту мира и Тебя, распростертого поперек нее. И тогда мне кажется, будто для меня речь может идти только о тех областях, которые либо не лежат под Тобой, либо находятся за пределами Твоей досягаемости. А их — в соответствии с моим представлением о Твоем раз-

мере — совсем немного, и области эти не очень отрадны, и брак отнюдь не принадлежит к их числу.

Анализ

Что и почему: Ф.К. отделяет себя и свой мир от мира отца. И брак — область, принадлежащая миру последнего, а потому она не может быть частью мира Ф.К. Мир отца огромен: отец распространяет свою власть на все области, оставляя вне своей досягаемости лишь маленькие фрагменты — вероятно, не обладающие значимостью и не очень отрадны.

Как и почему: Ф.К. позволяет себе ироничный тон, который, подвергая высмеиванию отцовский мир, тем самым снижает его значимость. Возможно, таким действием Ф.К. пытается утвердить значимость своего мира и своей индивидуальности.

Текст Ф. Кафки:

...Существует мнение, будто страх перед браком иной раз протекает от боязни, как бы дети потом не оплатили нам за то, в чем мы сами согрешили перед собственными родителями...

Но гораздо важнее при этом страх за себя самого. Это следует понимать так: я уже упоминал, что сочинительство и все с ним связанное — суть мои маленькие попытки стать самостоятельным, попытки бегства; они предпринимались с ничтожнейшим успехом и вряд ли приведут к большему, многое это подтверждает. Тем не менее мой долг или, вернее, весь смысл моей жизни состоит в том, чтобы охранять их, сделать все, что только в моих силах, чтобы предотвратить всякую угрожающую им опасность, даже возможность такой опасности.

Анализ

Что и почему: страх перед браком — не столько страх за то, что грех плохого отношения к собственным родителям будет наказан плохим отношением детей. Для Ф.К. брак — прежде всего страх за самого себя. Занятия литературой, хотя и не очень успешные, представляют для Ф.К. немалую ценность: это и есть доступное ему средство обрести самостоятельность. Возможно, это то, что в мире отца не имеет никакой значимости — не получит ни успеха, ни признания, иными словами, останется ребячеством, никак не включенным во взрослый мир «прибавочной стоимости». Но это мир Ф.К., и он должен его охранять. Быть может, это единственный мир, позволяющий Ф.К. оставаться собой и, возможно, укрепляться в своей идентичности.

Текст Ф. Кафки:

Брак таит в себе возможность такой опасности, правда, он же может стать и величайшим вдохновителем, но для меня достаточно того, что он таит такую опасность. Что я стану делать, если он действительно

окажется опасностью! Как я смогу жить в браке с ощущением этой опасности, ощущением, может быть, и необъяснимым, но тем не менее неопровержимым! Перед такой перспективой я, правда, могу колебаться, но конечный исход предопределен, я должен отказаться.

Анализ

Что и почему: брак таит в себе опасность — он может угрожать литературным занятиям, и это толкает Ф.К. на то, чтобы отказываться от брака. Почему брак таит опасность? Литература противостоит серьезному миру «экономических» (экономических и в социальном, и в психоаналитическом смысле) отношений: экономике производства, пола, желания. Вступить в брак для Ф.К. означает принять требования этого мира и в некотором смысле стать тем, кто есть его отец, а значит, предать то, чем является он сам. Главенство цели над текущей жизнью — принцип взрослости. Ф.К. не хочет быть отцом и, вероятно, не хочет быть взрослым. Он хочет продолжать свои литературные игры, хочет длить свою детскую до-фаллическую сексуальность (сам акт письма у Кафки наполнен эротизмом, что действительно можно интерпретировать как фиксацию либидо на до-фаллической стадии). В пользу этой интерпретации говорят и особенности созданных Кафкой образов: своих героев он наделяет скандальностью, беззаботностью, ребячеством и какой-то странной позицией бесцельного следования прихотям.

Текст Ф. Кафки:

Поговорка о журавле в небе и синице в руках очень мало подходит здесь. В руках у меня пусто, в небе же все, и тем не менее я должен выбрать эту пустоту — так решают условия борьбы и время жизни...

Анализ

Что, как и почему: «пустота в руках» — выбранный Ф.К. мир его литературных попыток. Возможно, Ф.К. сам переживает незначительность своих литературных поисков. Возможно, здесь присутствует некоторая игра, в конечном счете производящая инверсию смысла, и — та ценность, оценить которую на языке экономических ценностей невозможно. «Условия борьбы и бремя жизни» — Ф.К. вступает в борьбу, в которой никогда не сможет одержать победу: победившее ребячество перестает быть ребячеством — оно само приобретает те качества, которые делают его частью упорядоченного мира экономического обмена. Но в таком случае не предать себя — значит парадоксально вести борьбу за то, чтобы оставаться изгоем в этом мире, сохраняя не-логическую, не-фаллическую, не-упорядоченную чистоту ребяческих грез.

В заключение приведенного анализа сделаем несколько пояснений общего характера относительно занимаемой нами интерпретативной

позиции. Помимо теоретической перспективы, обозначенной Ж. Лаканом, мы обратились к интерпретации Символического, близкой постфуккианцам (в частности, Дж. Батлер [Батлер, 2002]), а также к некоторым идеям Ж. Батай [Батай, 1994]. Кроме того, в ценностном плане для нас было важным дать интерпретацию части внутреннего мира Кафки, по возможности, в позитивных терминах, не прибегая к задачам психотерапевтического дискурса, как правило, предполагающего понимание смысла в перспективе проблемы и ее возможного решения, а потому уделяющего большое значение «структуре дефекта», признакам дефицитарности анализируемой субъективности и т.п. (примеры такого дискурса можно найти в психотерапевтических анализах случая). Представленный «случай Франца Кафки» можно назвать «клиническим» лишь в том смысле, что в центре его — унаследованный от психоанализа интерес к глубинам человеческой личности.

Мы предприняли пошаговый анализ фрагмента письма Кафки. Понимание фрагмента носило характер *герменевтического круга*: изначальное пред-понимание целого, которое составили не только совокупность общих знаний о Кафке и интересующая нас теоретическая платформа Ж. Лакана, но и ряд ценностных установок по отношению к «маргинальным» моментам человеческой жизни, направляло понимание отдельных частей, которое, в свою очередь, дополняло, корректировало либо видоизменяло понимание целого. Пошаговый анализ не часто практикуется в интерпретативных исследованиях, сторонники которых предпочитают работать с материалом как целым, и в этом есть свой смысл. Разбиение текста на фрагменты и поэтапное извлечение смысла из выделенных единиц может выхолащивать понимание, поскольку нередко утерянными для интерпретатора оказываются целостные смысловые контексты. Но, с другой стороны, пошаговый анализ способен удерживать исследователя, так сказать, близко к «телу» текста, создавать условия для большего контакта исследователя с данными. К тому же пошаговый анализ не перечеркивает возможности работы с материалом как целым: и тот, и другой типы анализа можно гибко сочетать друг с другом.

* * *

Попробуем подвести некоторые итоги. Мы начали статью с констатации нескольких кризисов, с которыми приходится сталкиваться сторонникам качественной методологии, и отметили, что ответом на эти кризисы стало усиление внимания к научной строгости качественных исследований, в частности, разработка процедур и техник систе-

матического анализа качественных данных. Пожалуй, наиболее полно задача разработки праксиса анализа данных была реализована в рамках феноменологического метода. Однако мы попытались показать, что и другие типы интерпретативной работы тоже могут быть в той или иной мере систематизированы, например, благодаря практике постановки вопросов к тексту.

Дилемма, с которой приходится сталкиваться, когда речь заходит о необходимости оценки «качества» качественного анализа, — нужно ли ориентироваться на поиск единого смысла, заключенного в данных, или лучше допустить возможность множества равноправных смысловых позиций. Заметим, что направленность на поиск единого смысла отнюдь не означает культивирования онтологической составляющей классического концепта *объективности* научного знания как отражения реального положения дел — речь может идти о движении к универсальной точке зрения, которая получает конкретное воплощение, например, в интересубъективном согласии с результатами исследования всех участников коммуникации, независимо от занимаемой ими теоретической, политической или какой-либо иной позиции. В феноменологических исследованиях такая цель достигается благодаря использованию экспертных оценок и техники валидации, осуществляемой респондентами. Однако можно занять и иную позицию, полагая, что единый смысл — цель не только не достижимая, но и не нужная: различные перспективы дают возможность более объемного видения мира и, к тому же, их сохранение препятствует опасной догматизации какой-либо одной точки зрения как единственно верной. Безусловно, позиция плюрализма делает гораздо более размытыми критерии, позволяющие оценивать качество интерпретаций. Пожалуй, общие ориентиры для такой оценки дают уже приводимые нами выше идеи А. Джорджи об экспликации исследовательской процедуры, а также идеи о полемико-аргументативном характере интерпретаций, высказываемые, в частности, П. Рикером [Ricoeur, 1979]. Каким образом возникла именно эта интерпретация — вот тот ключевой вопрос, ответ на который интерпретатор должен представить читателю, чтобы последний, заняв позицию, предлагаемую интерпретатором, мог оценить достоинства и недостатки интерпретации.

Вряд ли сегодня можно однозначно ответить на вопрос, какая из позиций разбираемой нами дилеммы более актуальна. Перспектива множественности взглядов на один и тот же предмет нередко страшит психологов, но, скорее всего, именно потому, что сама психология никогда не знала единства и психологами подобное положение дел

продолжает восприниматься как кризис, который необходимо преодолеть. Между тем в других областях знания, например, в философии науки, позиция методологического плюрализма во второй половине XX века значительно усилилась (хотя и не получила приоритета). Вообще дилемма единства/множественности смысловых перспектив, на наш взгляд, является одной из характерных особенностей современного интеллектуального климата. К примеру, в философии она получила воплощение в известном противостоянии герменевтических идей «тотальности смысла», опоры понимания на пред-структуры жизненного мира (Х.-Г. Гадамер), «рационально мотивированного консенсуса» (Ю. Хабермас, К.-О. Апель) и др., с одной стороны, и постструктуралистских идей рассеянности смысла (Ж. Деррида, Р. Барт), «гетерогенности языковых игр», паралогии как цели дискуссии (Ж.-Ф. Лиотар) и пр. Хотя мы и не солидаризируемся полностью с плюралистической позицией, однако полагаем, что тот ее вариант, который отстаивают многие сторонники качественной методологии (А. Джорджи, С. Квале и др.), весьма продуктивен: в нем подчеркивается необходимость (и возможность) достижения понимания друг друга теми позициями, между которыми сохраняется разногласие. По нашему мнению, такой взгляд на плюрализм исследовательских перспектив отчасти сглаживает их разобщенность и вместе с тем способствует сохранению открытости любого содержания для критики и пересмотра в свете альтернативных позиций.

ЛИТЕРАТУРА

- Батай Ж. Литература и Зло / пер. с фр. и коммент. Н.В. Бунтман и Е.Г. Домогацкой; предисл. Н.В. Бунтман. М.: Изд-во МГУ, 1994. 166 с.
- Батлер Дж. Психика власти: теория субъекции / пер. с англ. З. Баблюяна. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2002. 168 с.
- Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / пер. с нем.; общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
- Кафка Ф. Письмо отцу / пер. с нем. Е. Кацева. СПб.: Ходов, 2005.
- Квале С. Исследовательское интервью / пер. с англ. М.Р. Мироновой; под ред. Д.А. Леонтьева, предисл. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2003. 301 с.
- Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе / пер. с фр. А.К. Черноглазов. М.: Издательство «Гнозис», 1995. 192 с.
- Леонтьев Д.А. О предмете экзистенциальной психологии // 1 Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии: материалы сообщений; под ред. Д.А. Леонтьева, Е.С. Мазур, А.И. Сосланда. М.: Смысл, 2001. С. 3—6.
- Пузырей А.А. Манипулирование и майевтика: две парадигмы психотехники // Вопросы методологии. 1997. № 3—4. С. 148—165.

- Раневская Ф. Судьба-шлюха / авт.-сост. Д. Щеглов. М.: Астрель; АСТ, 2005. 203 с.
- Улановский А.М. Феноменологический метод в психологии, психиатрии и психотерапии // *Методология и история психологии*. 2007. Т. 2. Вып. 1. С. 130—150.
- Улановский А.М. Феноменологический подход как качественная исследовательская методология: дис. ... канд. психол. наук. М., 2005.
- Denzin, N.K. The discipline and practice of qualitative research // *Handbook of qualitative research*, ed. Denzin N.K. & Lincoln Y.S., Thousand Oaks, CA: Sage, 2005. P. 1—32.
- Giorgi A. The theory, practice, and evaluation of the phenomenological method as a qualitative research procedure // *Journal of Phenomenological Psychology*. 1997. № 2 (28). P. 235—260.
- Holroyd C. Phenomenological research method, design and procedure: A phenomenological investigation of the phenomenon of being-in-community as experienced by two individuals who have participated in a Community Building Workshop // *Indo-Pacific Journal of Phenomenology*. 2001. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ipjp.org/april2001/holroyd.pdf>
- Karlsson G. Psychological qualitative research from a phenomenological perspective. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1993.
- Ricoeur P. The model of the text: Meaningful action considered as a text. In *Interpretive social science: A reader*, ed. P. Rabinow and W.M. Sullivan. Berkeley, CA: University of California Press, 1979. P. 73—101.
- Schorn A. The “theme-centered interview”. A method to decode manifest and latent aspects of subjective realities // *Qualitative Social Research*. 2000. Vol. 1 (2) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.qualitative-research.net/fqs-texte/2-00/2-00schorn-e.htm>

The phenomenological description and interpretation: examples of the analysis of the data in qualitative psychological researches

Busygina N.P.

Working out the regular procedures of the text data analysis became one of ways to increase scientific severity of qualitative researches. In full the problem of research procedure implementation, from the author's point of view, is realized by phenomenological approach supporters. At the same time the author shows other ways (actually interpretive) of extent systematization of the data like practice of question statement to the text. In article examples of various types of the analysis of the qualitative data is given. The author offers discussion of specificity of interpretation within the phenomenological approach, and shows the role of question statements to the text in the process of interpretive work.

Key-words: the phenomenological description, a phenomenological method, interpretation, qualitative researches, the analysis of the qualitative data.

- Bataille, Georges. 1994. *Literatura i Zlo*. Trans. and ed. N.V. Buntman and E.G. Domogackaja. Moskva: Izd-vo MGU.
- Butler, Judith. 2002. *Psihika vlasti: teorija subjekcii*. Trans. Z. Bablojan. Har'kov: HCGI; St. Petersburg: Aleteja.
- Gadamer, Hans-Georg. 1988. *Istina i metod: Osnovy filosofskoj germenевtiki*. Trans. and ed. B.N. Bessonova. Moskva: Progress.
- Kafka, Franz. 2005. *Pis'mo otcu*. Trans. E. Kacev. St. Petersburg: Hodov.
- Kvale, Steinar. 2003. *Issledovatel'skoe interv'ju*. Trans. M.R. Mironova, ed. D.A. Leont'ev. Moskva: Smysl.
- Lacan, Jacques. 1995. *Funkcija i pole rechi i jazyka v psihoanalize*. Trans. A.K. Chernoglazov. Moskva: Izdatel'stvo «Gnozis».
- Leont'ev, Dmitrij A. 2001. O predmete ekzistencial'noj psihologii. In *1 Vserossijskaja nauchno-praktičeskaja konferencija po jekzistencial'noj psihologii: materialy soobwenij*, ed. D.A. Leont'ev, E.S. Mazur, A.I. Sosland. Moskva: Smysl.
- Puzyrej, Andrej A. 1997. Manipulirovanie i majevtika: dve paradigmy psihotehniki. *Voprosy metodologii* 3—4: 148—165.
- Ranevskaja, Faina. 2005. *Sud'ba-shljuha*. Ed. D. Scheglov. Moskva: Astrel', AST.
- Ulanovskij, Aleksej M. 2007. Fenomenologičeskij metod v psihologii, psihiatrii i psihoterapii. *Metodologija i istorija psihologii* 2 (1): 130—150.
- Ulanovskij, Aleksej M. 2005. *Fenomenologičeskij podhod kak kachestvennaja issledovatel'skaja metodologija*. dis. ... kand. psihol. nauk. Moskva.
- Denzin, Norman K. 2005. The discipline and practice of qualitative research. In *Handbook of qualitative research*, ed. Norman K. Denzin and Lincoln Y.S., 1—32. Thousand Oaks, CA: Sage.
- Giorgi, Amedeo. 1997. The theory, practice, and evaluation of the phenomenological method as a qualitative research procedure. *Journal of Phenomenological Psychology* 28 (2): 235—260.
- Holroyd, Carl. 2001. Phenomenological research method, design and procedure: A phenomenological investigation of the phenomenon of being-in-community as experienced by two individuals who have participated in a Community Building Workshop. *Indo-Pacific Journal of Phenomenology*, <http://www.ipjp.org/april2001/holroyd.pdf>
- Karlsson, Gunnar. 1993. *Psychological qualitative research from a phenomenological perspective*. Stockholm: Almqvist & Wiksell.
- Ricoeur, Paul. 1979. *The model of the text: Meaningful action considered as a text*. In *Interpretive social science: A reader*, ed. P. Rabinow and W.M. Sullivan, 73—101. Berkeley, CA: University of California Press.
- Schorn, Ariane. 2000. The “theme-centered interview”. A method to decode manifest and latent aspects of subjective realities. *Qualitative Social Research*. Vol. 1 (2), <http://www.qualitative-research.net/fqs-texte/2-00/2-00schorn-e.htm>